

Основным сырьем для этих изделий служат рога быка, оленя и бизона. Из рога бизона изготавливаются шкатулки для драгоценностей, трости, портсигары.

Четырехсотлетнюю давность имеет производство «нирмал». Свое название это ремесло получило от города Нирмал в Хайдарабаде, где оно впервые возникло. Секрет производства «нирмал» хранился в глубокой тайне и передавался по наследству от отца к сыну. И хотя город Нирмал потерял свое прежнее значение, однако ремесло «нирмал» получило распространение.

Изделия «нирмал» изготавливаются из особого вида древесины, отличающейся небольшим весом и легко поддающейся обработке. На древесную поверхность наносится слой лака, по которому различными красками делается орнамент. Изделия «нирмал» представлены были на выставке искусно выполненными подносами, подставками для ламп, шкатулками, портсигарами и другими предметами (рис. 3).

Хочется указать еще на красивые изделия из папье-маше, дерева, раковин.

Важное место в жизни индийской семьи занимают игрушки. Им на выставке был уделен целый отдел.

Игрушки изготавливаются главным образом из глины, тряпок, папье-маше, дерева и слоновой кости. Имеются сведения, что еще до нашей эры из глины изготавливались куклы и фигурки животных для детской забавы.

Как искусство изготовления игрушек, так и их внешний вид и форма претерпели мало изменений. Производство игрушек сосредоточено главным образом в деревнях, где им занимаются искусные мастера. Каждый штат отличается своими игрушками от других штатов. В Индии устраиваются выставки кукол и других игрушек. Слово «кукла» в Индии имеет более широкое значение, чем то, которое придаем ему мы: это не только детская игрушка, но и предмет комнатного убранства. Куклы изготавливаются различных размеров. Огромные куклы используются в кукольных танцах во время национальных празднеств.

Тряпичные куклы одевают в костюмы, характерные для данной народности. Отдел кукол на выставке — это живой уголок этнографии Индии.

Экспонированные на выставке игрушки изображали различные моменты производственной деятельности и быта. Интересны игрушки сатирического характера, а также игрушки, изображающие собаку, буйвола, шакала, сделанные из натуральной шкуры того или иного животного.

Выставка помогла советским людям значительно расширить свое представление о жизни великого индийского народа, о его большом трудолюбии и таланте. Об отношении советских зрителей к создателям этих замечательных вещей можно сказать словами одной посетительницы, оставившей запись в книге отзывов: «Мне кажется, что только люди с очень тонкой и красивой душой могут создавать такие изящные вещи. Сколько терпения и труда вложено здесь! — в этом виден народ Индии. Спасибо Вам, далекие друзья, за доставленное удовольствие видеть ваше искусство».

А. Ахмедзянов, Г. Бонгард-Левин

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИИ

(Исследования сербских этнографов)

До второй мировой войны Югославия располагала большой сетью этнографических и краеведческих центров и значительным количеством изданий. Военные годы нанесли огромный урон научной работе. Однако при активной помощи правительства Федеративной Народной Республики Югославии в первые же послевоенные годы была восстановлена деятельность крупнейших научных учреждений страны, создан ряд новых центров.

Располагая старыми научными центрами, большой сетью краеведческих и этнографических музеев, опытными кадрами этнографов, чьи ряды за последние годы пополнились молодыми научными работниками, Югославия развернула широкую научно-исследовательскую и издательскую деятельность в области этнографии.

Институт этнографии Югославской Академии наук и искусств в Загребе возобновил издание многолетнего «Сборника народной жизни и обычаев южных славян»¹, восстановлена работа Национального этнографического музея (Загреб) и кафедры этнографии Загребского университета, Матица Хорватская (Загреб) продолжила работу над собиранием и изданием народных хорватских песен².

¹ «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena». Ljubljana, 1948—1954.

² До войны вышло девять томов этого издания.

В Народной Республике Словении этнографическая работа концентрируется в настоящее время в Институте этнографии Словенской Академии наук и искусств (Любляна)³, в Этнографическом музее (Любляна) и на кафедре этнологии Люблянского университета. Изданием «Вестника Областного музея в Боснии и Герцеговине»⁴ возобновилась деятельность Областного музея в Сараево. Центрами этнографической работы в Сербии являются Сербская Академия наук (Белград), Этнографический музей (Белград) и кафедра этнографии Белградского университета. Большую исследовательскую работу по этнографии ведет Матица Сербская (Новый Сад). В Воеводине создан Институт по изучению фольклора (Новый Сад), который приступил к изданию «Бюллетеней» Института⁵.

В нашем очерке мы остановимся на характеристике основных направлений этнографической работы в Народной Республике Сербии.

Этнографическая работа в Сербии имеет столетней давности историю. В 1841 г. в Белграде было основано Общество сербской словесности, переименованное в 1864 г. в Сербское научное общество (1864—1892), которое посвятило свою деятельность изучению Сербии, ее народа, собиранию и опубликованию исторического и этнографического материала.

В 1886 г. на базе Сербского научного общества возникла Сербская Академия наук, также уделявшая большое внимание этнографической и краеведческой работе.

В 1892 г. Академия предприняла издание «Сербского этнографического сборника» (в четырех отделениях). Выпуски первого отделения (население и его происхождение) содержали материалы антропогеографического характера по проблеме происхождения населения отдельных районов, заселенных сербами, во втором отделении публиковались материалы по описанию жизни и обычаев сербского народа, в третьем — фольклорные материалы, в четвертом — исследования и материалы по тематике трех предыдущих отделений⁶.

В 1898 г. в составе Сербской Академии наук было создано Этнографическое отделение, возглавлявшее этнографическую работу на территории Сербии вплоть до второй мировой войны.

В мае 1945 г. возобновила прерванную второй мировой войной работу Сербская Академия наук. Получив помощь от государства, Академия сумела сравнительно быстро провести восстановление старых и создать ряд ранее отсутствовавших в ее составе научных институтов, объединить основные научные кадры республики. В числе главных задач, поставленных перед Сербской Академией наук, большое внимание было обращено на усиление в стране этнографической работы.

В 1947 г. был организован Институт этнографии Сербской Академии наук во главе с директором членом-корреспондентом Войславом Радовановичем. Вновь организованный институт явился преемником основных направлений работы своего предшественника — этнографического отделения быв. Сербской королевской академии наук и лучших научных традиций крупнейших сербских этнографов — Вука Караджича, Ивана Цвиича, Тихомира Джорджевича, Ивана Ердельяновича и др.

Институт этнографии был учрежден «с основной целью изучения республики, ее населения и его культуры по трем тесно связанным между собой направлениям нашего народоведения: а) происхождения населения, б) народной жизни и обычаев, в) народного творчества», — писал В. Радованович на страницах «Вестника» Института⁷. Указанные основные направления в работе обусловили создание в составе Института следующих трех отделений: а) антропогеографического, б) этнологического, в) фольклорного. В 1950 г. были созданы дополнительно секция народной архитектуры и документальный архив, а также положено начало фольклорному архиву.

Антропогеографическое отделение Института за послевоенные годы развернуло широкую систематическую работу по изучению происхождения сербского населения, его этнических особенностей, материальной, общественной и духовной жизни народа, в первую очередь на территории Сербии, а в дальнейшем и за ее пределами, продолжив, таким образом, исследования, начатые первым отделением «Сербского этнографического сборника».

Прежде чем перейти к обзору проделанной конкретной работы в данной области, остановимся кратко на характеристике антропогеографического метода исследований, являющегося господствующим в современной работе сербских этнографов⁸.

³ Институт предпринял издание журнала «Slovenski etnograf». За 1948—1955 гг. вышли let. 1, 8.

⁴ «Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini».

⁵ «Bilten Instituta za proučavanje folkloru u Sarajevu». 1951—53. Бр. 1—3.

⁶ «Српски етнографски зборник». Прво одељење. Насеља и порекло становништва. Књ. 1—29, 1902—1940; друго одељење. Живот и обичаји народни, к. 1—25, 1894—1941; треће одељење. Српске народне умотворине, књ. 1, 1927; четврто одељење. Расправе и грађа, књ. 1, 1934.

⁷ В. Радовановић, Етнографски институт Српске академије наука и његов «Гласник», «Гласник Етнографског ин-та Српске академје наука», Београд, 1952, № 1—2, стр. XII.

⁸ М. Костић, О новом географском лику наше земље, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2, стр. 283—295.

В начале XX в. в сербской этнографии получает широкое распространение так называемая антропогеографическая школа. Основоположник ее И. Цвиич — известный географ балканских стран. В 1896 г. Цвиич выступил с работой «Введение в исследование народных поселений», где впервые применил антропогеографический метод к изучению материальной культуры Балканского полуострова; в последующие годы появился ряд работ, в которых метод автора нашел свое дальнейшее развитие⁹.

Отводя доминирующую роль влиянию географической среды, Цвиич подразделяет территорию Балканского полуострова на четыре культурные области: византийско-цирциарскую, патриархальную, итальянскую и средневропейскую, устанавливая одновременно определенные черты экономической, социальной и культурной жизни, свойственные каждой из этих областей. Согласно этому, для культуры патриархальной области, охватывающей территорию Боснии, Герцеговины, Черногории, северной и средней Албании, Сербии и северной Болгарии, характерно сохранение элементов родовой организации, в частности большой семьи, и некоторых черт родового быта, как, например, кровной мести. Цвиич выделяет на Балканском полуострове три области, где горный ландшафт создал очаги изоляции: это Родопская, Динарская и Пиндская горные системы. Географические условия и своеобразие исторической обстановки обусловили здесь этническую однородность населения, способствовали сохранению старинного балканского скотоводства и патриархального режима. Раздробленность рельефа порождала также, как указывает автор, обособленность более мелких районов, что обусловило создание режима древнеславянских жуп; замкнутость последних породила этнические особенности ее населения.

Что касается патриархального быта, долгое время сохранявшегося на Балканах, в частности на территории Динарского массива, то он, по заключению автора, не носит первобытного характера, а порожден вторичными географическими и историческими условиями («этническое и социальное омоложение», по Цвиичу).

Проследивая так называемые метанастатические движения¹⁰, автор отмечает влияние миграций на ускорение изменений в быту населения. В связи с этим Цвиич выделяет ряд областей, где миграция была менее ощутима, а потому на их территории сохранились более древние черты культуры: Шопская область Болгарии, область распространения кайкавского диалекта в Хорватии, Словении и южная Македония.

Последователи и ученики Цвиича, применяя его основные положения в конкретной полевой работе, создали ряд монографических, выдержанных в едином плане, описаний отдельных районов, заселенных в большей своей части сербами; эти описания вошли в публикации первого отделения «Сербского этнографического сборника».

Как правило, все публикации указанного отделения состоят из двух основных разделов. В общем разделе уделяется большое внимание подробной географической характеристике исследуемого района, формам поселения, жилых и хозяйственных построек, историческому и этническому прошлому области, путям формирования этнического состава современного населения, что сопровождается детальным статистическим анализом родов и семей по времени и месту их переселения, религиозной принадлежности, намечаются отдельные миграционные струи. По мнению сербских антропогеографов, этническая принадлежность переселенцев обуславливает этнические особенности населения исследуемого района, к числу которых, наряду с местными наречиями, костюмом, хозяйственным и общественным бытом и т. д., они относят нравственные и физические особенности отдельных групп переселенцев, их психический склад¹¹. Второй раздел подобных монографических исследований составляет подробное описание каждого в отдельности села и местечка исследуемого района по указанному выше вопросам. Каждое исследование, помимо полевого материала, содержит основательную литературную аргументацию, снабжено подробной географической картой района и разнообразными иллюстрациями.

Представителям сербской антропогеографической школы свойственно излишнее увлечение географизмом; последнему подчиняется и исторический фактор, что приводит к переоценке влияния географической среды на быт и культуру народа, к искусственному в некоторых случаях подразделению на культурные области. Эти положения сближают представителей сербской антропогеографической школы со взглядами идеалистической школы Ратцеля.

Уделяя большое внимание выяснению специфики этнографических черт отдельных групп переселенцев, родов и т. п., антропогеографы подчиняют последней и изучение

⁹ J. Цвиич, Антропогеографски проблеми Балканског полуострова, «Српски етнографски зборник», књ. 4. Прво одељ., књ. 1, Београд, 1902; е го же, Метанастатичка кретана, њихови узроци и последице, «Српски етнографски зборник», књ. 24. Прво одељ., књ. 12, Београд, 1922; е го же, La Péninsule Balkanique, Paris, 1918; дополн. изд. той же работы на серб. яз. «Балканско полуострво и јужнословенске земље», Београд, т. I, 1922; т. II, 1931.

¹⁰ Массовые передвижения населения в эпоху турецкого завоевания.

¹¹ Для примера см. Р. Павловић, Подибар и Гокчаница, «Српски етнографски зборник», књ. 56. Прво одељ., књ. 30, Београд, 1948, стр. 219—442.

материальной культуры, рассматривая ее как одно из средств, помогающих обнаружить данную специфику. В области общественных отношений представители антропогеографического направления сосредотачивают внимание на пережиточных явлениях прошлого — «реликтах патриархальности». Вопросы классовых взаимоотношений остаются вне поля их зрения.

Таким образом, конкретно-исторический метод этнографических исследований подменяется в антропогеографических работах выявлением метанастазических движений на территории исследуемого района, отдельных групп переселенцев и присущих каждой из них черт культуры.

Однако, несмотря на ошибочность ряда методологических установок сербских антропогеографов, их вклад в изучение этнографии Балканского полуострова, и прежде всего сербской этнографии, несомненно, имеет большую ценность.

Благодаря умело организованной широкой сети корреспондентов на местах и продуктивной полевой и архивной работе сербским этнографам удалось за последние годы провести антропогеографические исследования восточного и западного Срема, юго-западного Баната, Шабачкой Посавины, Добрича, Кончульского Ибра, Рашки, Пештера, Косова поля, Метохии, Призренской горы и Ополья Пиротской котловины, Новопазарского Санджака, Черногории, Шумадии, Герцеговины и закончить в основном изучение областей расселения сербской народности. Собранный ценный материал¹² дает Институту основание планировать в качестве очередной задачи недалекого будущего изучение проблем этногенеза сербского народа и истории его материальной культуры. Проведенная работа дает возможность этнографам включиться в совместную работу институтов византиеведения, истории, археологии над историческим атласом Югославии и топонимико-историческим словарем.

Институтом этнографии за последние годы был выпущен ряд солидных публикаций антропогеографического характера, являющихся в большей своей части результатом долголетней довоенной работы¹³ их авторов, а потому отражающих этнографические явления, фактически иногда бытовавшие в 20—30-х годах XX в.¹⁴

Послевоенные исследования антропогеографического характера, результаты которых уже опубликованы в печати, по целевым установкам продолжают линию своих предшественников — выяснение этнического состава населения по отдельным территориям, заселенным сербами, историю его этнического формирования, а потому в них, как правило, подробно рассматриваются миграционные струи, имевшие место в исследуемом районе, родовая и племенная принадлежность отдельных групп переселенцев, отдельные институты патриархально-родового быта, обычаи, местные говоры, планировка жилых и хозяйственных построек, костюм, — определяющие, по мнению авторов этих исследований, этническую специфику переселенцев из отдельных родов.

В «Вестнике» Института за 1952 г. была опубликована статья Р. Павловича, прослеживающая распространение на территории Югославии семей из рода Кулизе¹⁵.

¹² Помимо указанных выше работ, изданных Сербской академией наук, см. также библиографию В. Радовановича «Прилози антропогеографској библиографији радова у географским часописима и осталим издањима географских друштва ФНРЈ за првих шест послератних година народне државе. 1945—1950, «Гласник Етнографског ин-та Српске акад. наука». Београд, 1952, № 1—2, стр. 529—545.

¹³ Издание материалов задержалось из-за войны.

¹⁴ «Српски етнографски зборник». Прво одељење. Насеља и порекло становништва. Књ. 30. П. Рајеновић, Унац, С. Мијатавић, Белице; Р. Павловић, Подибар и Гокчаница, Београд, 1948.

Књ. 31. П. Петровић, Антропогеографска шумадиска Колубара; С. Томић, Пива и Пављани, Београд, 1949.

Књ. 32. А. Урошевић, Новобрдска Крива Река; М. Филиповић, Гласинац; Ј. Трифуновски, Кумановско-Прешевска Црна Гора, Београд.

Књ. 33. Ј. Трифуновски, Кумановско-Прешевска Црна Гора, Београд, 1951.

Књ. 34. П. Шобајић, Дабарско поље у Херцеговини; М. Лутовац, Ибарски Колашин; М. Костић, Коритница; Ј. Трифуновски, Скопски Дервен, Београд, 1954.

Д. Поповић, Срби у Срему до 1736—37 г. Историја насеља и становништва, Београд, 1950, (Српска акад. наука, Посебна издања, књ. 158, Етнографски ин-т, књ. 1).

Д. Поповић, Срби у Бачкој до краја 18 века. Историја насеља и становништва; Ж. Сечански, Пописи становништва Бачке током 18 века. Грађа за историју насеља и становништва, Београд, 1952 (Српска акад. наука, Посебна издања, књ. 143, Етнографски ин-т, књ. 3).

В. Ђурић, Панчевски Рит. Антропогеографска испитивања, Београд, 1953 (Српска акад. наука, Посебна издања, књ. 218, Етнографски ин-т, књ. 5).

Д. Поповић, Срби у Банату до краја 18 века, Историја насеља и становништва, Београд, 1955 (Српска акад. наука, Посебна издања, књ. 232, Етнографски ин-т, књ. 6).

¹⁵ Р. П. Павловић, Кулизе. Порекло и старина, «Гласник Етнографског ин-та», Београд, 1952, № 1—2.

В этом же органе были напечатаны антропогеографические исследования этнического состава ряда македонских сел И. Трифуновского и других авторов¹⁶, а также статья М. Филиповича, содержащая материалы о происхождении населения Сараевской верховины¹⁷.

Во всех послевоенных исследованиях современному быту, и особенно общественным производственным отношениям, уделяется очень незначительное внимание.

Институтом этнографии был опубликован ряд изданий второго отделения Сербского этнографического сборника, являющихся результатом довоенных исследований и посвященных описанию жизни и обычаев отдельных областей страны, населенных сербами¹⁸. Среди опубликованных работ довоенных лет большой интерес представляют этнографические материалы о населении Шумадии И. Ердельяновича¹⁹.

И. Ердельянович, один из основателей «Сербского этнографического сборника», помимо многих опубликованных работ, оставил большой неопубликованный научный архив, содержащий путевые заметки, полевые дневники его путешествий по Шумадии, Воеводине, Черногории, Македонии. Институт этнографии приступил к разработке и публикации этнографического наследия покойного профессора. Публикуемая его учеником П. Петровичем работа (см. сн. 19) — первая из обширного, представляющего большой научный интерес, архива. Этнографические исследования Ердельяновича на территории Шумадии в 1908—1912 гг. интересны не только обилием ценных этнографических наблюдений над отдельными отраслями хозяйства, домашней и общественной жизнью шумадийцев, их жилищем, костюмом, календарными, бытовыми обычаями, но и теоретическими положениями, вскрывающими сущность антропогеографических исследований.

Институт этнографии возобновил полевые исследования, которые приняли широкие размеры как по охвату территории, так и по разнообразию исследуемых объектов.

В связи с общей направленностью антропогеографических исследований особое место уделялось изучению племенного быта прошлого и сохраняющимся в наши дни остаткам племенных объединений. За прошедшие после войны годы были обследованы Кулизе, Шаранцы, Матаруш, Кореничи, остатки племен Никшицкого поля.

Большое место в полевой работе сербских этнографов занимает изучение двух основных элементов материальной культуры — жилища и национального костюма. Помимо материалов, содержащихся в указанных выше выпусках «Сербского этнографического сборника», данным вопросам посвящен ряд специальных работ.

Социальные и экономические преобразования в послевоенной деревне Югославии сделали безотлагательным вопрос изучения уходящих в прошлое типов сельских жилых и хозяйственных построек. Сотрудники секции народной архитектуры Института этнографии Сербской Академии наук при содействии студентов архитектурного факультета Белградского университета провели большую работу по изучению народного жилища в шести областях Сербии и Воеводины, сделано несколько сотен планов, зарисовок внешнего и внутреннего вида жилых и хозяйственных построек. В своих исследованиях этнографы уделяли внимание наряду с примитивными формами жилища, уже исчезнувшими или уходящими в прошлое, основному современному виду сельского дома (трехкамерному), а также перспективам его дальнейшего развития. А. Дероко в кратком сообщении, сделанном на ученом совете института, останавливается на примитивнейшей форме жилища («наслон») с открытым очагом, встречающейся еще до 1944 г. у рабочих рудника в Трипичеве под Добрем²⁰. По полевым материалам 1947 г. Дероко на примере сельского дома из селения Яблоница в обл. Пустая Реца дает характеристику моравского типа жилого дома XX в.²¹

Б. Конч на материалах Которского архива намечает основные пути развития жилых

¹⁶ J. Трифуновски, Села и Сухој Гори; его же, Урвич и Јеловјано; его же, Скопски Дервен, «Гласник», 1952, № 1—2; М. Костић, Коритница. Антропогеографска испитивања, «Српски етнографски зборник», Прво одељење, књ. 34, Београд, 1954.

¹⁷ М. Филиповић, Белешке о пореклу становништва у Сарајевској врховини, «Гласник», 1952, № 1—2.

¹⁸ «Српски етнографски зборник». Друго одељење. Живот и обичаји народни.

Књ. 26. П. Петровић, Живот и обичаји народни у Грузи, Београд, 1948.

Књ. 27. М. Филиповић, Живот и обичаји народни у Височкој нахији, Београд, 1949.

Књ. 28. Н. Јанковић, Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама срба, Београд, 1951.

Књ. 29. Љ. Мићовић, Живот и обичаји Поповаца, Београд, 1952.

¹⁹ J. Ердельяновић, Етнолошка грађа о шумадинцима. По пишевим белешкама с пута средно П. Петровић, «Српски етнографски зборник». Четврто одељење. Расправе и грађа, књ. 2, Београд, 1951.

²⁰ А. Дероко, Један наслон у Подунављу, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

²¹ А. Дероко, Кућа у Јаблоници у Пустој Реци, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1, Београд, 1950.

и хозяйственных построек горных сел на полуострове Врмце от средневековья до конца XIX в.²²

Большой интерес представляет попытка Б. Коича наметить пути развития сербского жилого дома от однокамерного и двухкамерного XVIII — начала XIX в. к трех- и четырехкамерному XX в. Автор намечает три территориальные зоны бытования последовательно сменяющихся типов сербского жилища: плоскостные районы (Поморавье, Посавина, Подунавье), лесные районы (Шумадия, часть западной Сербии), горные области (Старая Влахия, Подриные). За два десятилетия до второй мировой войны в плоскостных районах Сербии появляется трехраздельный жилой дом, который в дальнейшем даст различные варианты планировки по намеченным автором зонам²³. Б. Коич в настоящее время работает над проблемой развития современного сельского дома Сербии в новых экономических и культурных условиях югославской деревни.

Городская архитектура Югославии, особенно бытовые строения, изучена гораздо слабее архитектуры сельских местностей. В настоящее время сербские этнографы в содружестве с архитекторами, помимо изучения жилищ и хозяйственных строений сельского населения, много внимания уделяют описанию и исследованию памятников городской архитектуры, большая часть которых взята под охрану государства.

Так, И. Здравкович изучал жилые строения конца XVIII — начала XIX в. в Брестовачкой Баньи, Светозарево, Трстенике, их внешнюю и внутреннюю планировку. Сделано большое количество фотоснимков и дано подробное описание использованных отдельных частей строения²⁴. Б. Коич провел основательную работу по изучению наиболее старых памятников городской архитектуры Белграда, в частности турецкого дома XVIII в.²⁵ Если указанные выше работы освещают объекты, представляющие ценность как памятники архитектуры, то Б. Максимович и А. Дероко в своих статьях пытаются наметить типичные черты в планировке, строительных конструкциях бытовой архитектуры сербских, македонских, боснийских, черногорских городов, определить в них истоки народной сельской архитектуры и ее влияние на развитие городского зодчества²⁶.

В послевоенные годы в антропогеографических исследованиях наметилось новое направление — изучение сербских городов. Авторы исследований по этой тематике освещают историю возникновения города, этнический состав его населения, демографию, экономику; большое место в таких работах отводится истории планировки города, описанию городского жилища и истории его формирования.

Значительный интерес представляют исследования городских местечек, недавно сформировавшихся на базе бывших сел. Они дают возможность наглядно познакомиться с путями развития сельского дома в городской, с путями постепенной «урбанизации» культуры и быта сельского населения. В этом плане был изучен ряд городов и городских местечек в Сербии и соседних с ней областях²⁷.

Большое место в полевых исследованиях сербских этнографов занимает изучение народной одежды. Изучен национальный костюм Шумадии, северного Баната, окрестности Ниша, Старой Черногории, Сретечкой жупы; разработана классификация типов народной одежды областей Моравы. В большинстве опубликованных работ рассматривается в историческом аспекте красочный национальный костюм отдельных областей Югославии, уделяется внимание современной одежде сербского крестьянства. Опубликованы также работы описательного характера о национальной сербской обуви, форме причесок и разнообразных видах сербского головного убора. Ряд специальных статей посвящен описанию костюма мусульманского населения Югославии²⁸.

²² Б. Којић, Горња села на полуострву Врмцу у Боки Которској, «Гласник Српске академије наука», Београд, 1952, св. 1.

²³ Б. Којић, Новија сеоска кућа у Србији, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографског ин-та, књ. 1, Београд, 1950.

²⁴ И. Здравковић, Споменаци културе у Брестовачкој Банји; ево же, Стара кућа у Светозарево, звана «Хајдук вељов конак»; ево же, Стара кућа у Трстенику, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

²⁵ Б. Којић, Најстарије куће у Београду, «Гласник Српске академије наука», 1950, књ. 2, св. 1; ево же, «Докторова кула» у Београду, «Гласник Српске академије наука», 1953, књ. 5, св. 1.

²⁶ Б. Максимовић, Типичне зграде народног стила и њихова улога у урбанистичкој структури и слици Призрена, «Гласник Српске академије наука», 1953, књ. 5, св. 1; А. Дероко, Порекло старијег варошког куће, «Гласник Српске академије наука», 1954, књ. 6, св. 1.

²⁷ Ж. Кумар, Младеновац. Антропогеографска испитивања, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2; ево же, Стара Пазова, «Гласник Српске академије наука», 1952, књ. 4, св. 1; Д. Зечевић, Блаце. Антропогеографска испитивања, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2; Н. Радотић, Осијек. Положај и територијални развој, «Гласник Етнографског ин-та», 1952; № 1—2; Б. Дробњак, Варошица Љиг, прилог проучавању варошица у Србији, там же; М. Костић, Власотинце, «Гласник Српске академије наука», 1953, књ. 5, св. 1.

²⁸ П. Васић, Српска ношња за време Првог устанка, «Историски гласник», Београд, 1954, № 1—2; Ј. Вукмановић, Његошева ношња, «Гласник Етнографског

Особое место среди новых работ об одежде народов Югославии занимает обширное исследование Ковачевича, посвященное средневековой одежде балканских славян²⁹. Автор на основе тщательного анализа письменных источников, памятников скульптуры, живописи (фрески, миниатюры, иконы) подробно рассматривает возникновение и развитие ткачества и ювелирных ремесел на Балканах в X—XVI вв. Специальная часть исследования посвящена реконструкции основных черт одежды господствующих классов и костюма южнославянского крестьянства.

Наша характеристика деятельности сербских этнографов в области изучения материальной культуры народа была бы неполной, если бы мы не указали на ряд опубликованных работ по отдельным мелким, но не лишенным интереса вопросам. Такова, например, работа С. Кнежевича о мутафчийских ремеслах в одном из городских местечек около Ниша в конце XIX. ³⁰ М. Филипович в небольшой заметке останавливается на горшечных ремеслах Сербии³¹. Тот же автор опубликовал в 1951 г. обширное, интересное по привлекаемым материалам исследование, посвященное видам керамики женского производства у балканских народов. Данное исследование — результат длительных личных наблюдений автора в 1929—1939 гг. и анкетного опроса. Не стремясь к широким обобщениям, Филипович дает подробное описание этой еще сохраняющейся у южных славян, балканских румын, греков, албанцев, турок, цыган очень примитивной отрасли домашнего керамического производства, в котором участвуют только женщины³². Техника постройки печей для обжигания глины и извести в сербских деревнях нашла отражение в статье Петровица³³. Народные способы переноски тяжестей в горных районах описаны в очерке Барьяктаровича³⁴.

Проблема общественных отношений, формы земельной собственности в старой сербской деревне, большая семья — занимают также немалое место в исследованиях сербских этнографов.

Статья С. Тановича, написанная исключительно на полевом материале, подробно знакомит с сельским общинным управлением в конце XIX — начале XX в. на примере одного из македонских сел. При всей очевидной идеализации общинных и задружных отношений македонского села, быющей в глаза патриархальности, статья дает небезинтересные сведения об отдельных выборных и назначаемых лицах сельской общины, роли домачинов в большой семье и общине³⁵. Судебная организация сербского села в эпоху турецкого владычества и после освобождения, а также народные судебные обычаи нашли отражение в статье Т. Джорджевича³⁶. Крайне интересный материал о бытующих еще в наши дни на территории Югославии формах большой семьи приводится в статьях Барьяктаровича и Ивановича.

Опубликование книги М. Филиповича «Неродственная и разделенная задруга»³⁷ пополнило этнографическую литературу очень основательным исследованием о до тех пор неизвестных формах бытования в наши дни большой семьи. М. Барьяктарович на полевых материалах 1948—1949 гг. освещает еще один вид большой семьи, почти не нашедший отражения в литературе. Автор дает описание задруги, ее внутренней организации, объединяющей под своим кровом родственников разной религиозной принадлежности³⁸. В. Ивановичем в 1948 г. были обследованы сохраняющиеся еще частично

ин-та», 1952, № 1—2; его же, Крпње у Старој Црној гори, там же; С. Томић, Из реферета на рад Ј. Вукмановића, «Крпње у Старој Црној гори», там же (статья содержит материалы, дополняющие указанную статью Вукмановича); Ј. Вукмановић, Народна ношња у Спачу, «Зборник радова Српске академије наука», 1950, књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1; В. Краснић, Српска женска ношња на глави у Сретечкој жупи, там же; его же, Народна ношња у Шумадијској Колубари, «Гласник Српске академије наука», 1953, књ. 5, св. 1; Р. Марковић, Стара српска народна ношња у сев. Банату, там же.

²⁹ Ј. Ковачевић, Средњевијековна ношња балканских словена. Студија из историје средњевијековне културе Балкана, Београд, 1953.

³⁰ С. Кнежевић, Мутафчије — «козопреди» у Ивањици, «Зборник Филозофског факултета Београдског ун-та», 1955, књ. 3.

³¹ М. Филиповић, Лончарство у Кучину и Ћурову код Прибоја на Лиму, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

³² М. Филиповић, Женска керамика код балканских народа, Београд, 1951.

³³ Д. Петровић, Клачнице (кречане) у Бјелопављинима, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

³⁴ М. Барьяктаровић, Пренос добра у Горњем Полимљу, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

³⁵ С. Тановић, Село као социјална заједница и управна јединица у ђевђелиској кази у Задње турско доба, «Зборник радова Српске академије наука», 1950, књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1.

³⁶ Т. Ђорђевић, Село као суд у нашем народном обичајном праву, «Зборник Филозофског факултета Београдског ун-та», Београд, 1948, књ. 1.

³⁷ М. Филиповић, Несродница и предвојена задруга, Београд, 1945.

³⁸ М. Барьяктаровић, Двојерске шиптарске задруге у Метохији, «Зборник радова Српске академије наука», 1950, књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1.

в наши дни большие семьи на территории Рашкого Ибра — одной из наиболее архаических областей Сербии³⁹.

Интересный анализ статистических документов, в частности переписей христианского населения Боснии, проводившихся турецкими властями с целью взывания налогов, провел М. Филипович, что позволило ему осветить положение сербского крестьянства в 50-х годах XIX в., а также выяснить процент больших и малых сербских семей на территории Боснии⁴⁰.

Наряду с сотрудниками Института этнографии исследование сербского села, форм земельной собственности проводил специально созданный в составе Сербской Академии наук Институт по изучению села⁴¹.

Трудовое кооперирование югославского крестьянства поставило перед этнографами ряд проблем быта современного села, в частности вопросы новой его планировки, постройки культурно-просветительных, медицинских учреждений. Б. Коич в своих статьях поднимает интересный практический вопрос о влиянии кооперирования крестьянства на планировку сел и усадеб, на размещение сельских культурно-просветительных и медицинских учреждений⁴².

В послевоенных работах этнографов нашли отражение некоторые моменты духовной жизни народа. Большой интерес представляет статья М. Барьяктаровича, в которой автор дает реконструкцию свадебного цикла из территории Санджака, сопровождая его записями свадебного фольклора и иллюстрациями старинных костюмов⁴³. Т. Джорджевич, автор известной работы «Наша народная жизнь»⁴⁴, продолжает исследование народных верований у южных славян⁴⁵. Ряд мелких заметок освещает отдельные черты из похоронной и поминальной обрядности, а также южнославянский обычай кумовства при первом обрезании волос у ребенка⁴⁶.

Институт этнографии с момента своего основания уделяет много внимания собиранию и изучению всех видов народной поэзии. Проведены исследования народного творчества в областях Санджака, на территории Сретечкой жупы, Левча, Грузи, околицах Битоля, Малешева. В 1949 г. фольклорным отделением Института были выработаны специальные программы по полемому сбору фольклора. Особое место в работе фольклористов уделяется сбору и публикации партизанского фольклора периода второй мировой войны. С этой целью, начиная с 1949 г., ежегодно посылаются специальные отряды в центры народно-освободительной борьбы — Титовоужичскую область, на Косово поле, в Метохию, восточную Боснию, Черногорию и другие. Собираемые материалы детально систематизируются по месту их бытования и содержанию и пополняют обширную фольклорную коллекцию Института.

Даже суммарный обзор проделанной работы в области изучения народного творчества может явиться предметом специального обзора. В настоящем очерке мы ограничимся перечнем основных опубликованных фольклорных материалов и исследований, что послужит наглядной иллюстрацией размаха и характера проводимой работы⁴⁷.

³⁹ В. Ивановић, Патријархалина задруга у Рашком Ибру, «Гласник Српске академије наука», Београд, 1950, књ. 2, св. 1.

⁴⁰ М. Филиповић, Попис срба, харачких обвезника у Модричи и околини. 1851 г., «Гласник Српске академије наука», 1951, књ. 3, св. 2.

⁴¹ С. Вукосављевић, О земљишној својини на селу, «Гласник Српске академије наука», 1950, књ. II, св. 1; С. Јоцић, Земљишне својине у Доњем Душнику, там же, 1952, књ. 4, св. 1; Н. Констандиновић, Село Београдског пашалука у другој половини 18 и првој половини 19 в., там же, 1952, књ. 4, св. 1.

⁴² Б. Којић, Задругна организација села и њен одраз на кућу, насеља и атар, «Гласник Српске академије наука», 1952, књ. 4, св. 1; ето же, Проблем реорганизације насеља у Грузи, «Гласник Српске академије наука», 1953, књ. 5, св. 1.

⁴³ М. Барјактаровић, Свадбени обичаји у околини Берана (Иванграда), «Зборник Филозовског факултета Београдског ун-та», 1955, књ. 3.

⁴⁴ Т. Ђорђевић, Наш народни живот, књ. 1—9, Београд, 1930—1934.

⁴⁵ Т. Ђорђевић, Вештица и вила у нашем народном веровању и предању, «Гласник Српске академије наука», 1952, књ. 4, св. 1; ето же, Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању, там же.

⁴⁶ М. Милошевић-Бревинац, Обичај скидања кућних врата пред изношење мртвца у Студеници, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, 1—2; Б. Дробњак-Ковић, «Успомене», на гробивима у космајским селима, там же; Н. Жупанич, Шишапо кумство код југоисточних словенаца и осталих словена, там же.

⁴⁷ Д. Недељковић, Расматрања на изворима старе македонске епике, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1, Београд, 1950; Ј. Лазаревић, Прилог проучавању Малешевске народне поезије, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 2, Београд, 1951; К. Халими, Народна поезија шиптари у селу Пешане у Подрими, там же; В. Вуковић, Из народне епске поезије сјеничких муслимана, там же; В. Драшковић, О савременој народној поезији у области Никшић-Жабљак-Пљевља, там же; М. Мојашевић, Из партизанске народне поезије у Санџаку, там же; ето же, О скупљању и проучавању наше најновије народне поезије, «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2;

Помимо Института этнографии, этнографическую работу в Народной Республике Сербии ведет ряд других научных учреждений. В научной жизни Этнографического музея в Белграде большой интерес представила организованная в 1949 г. «Выставка этнографической живописи XIX в.», на которой экспонировалось около 20 полотен мало известных художников П. Джурковича, У. Кнежевича, Н. Арсеновича, дающих интересный материал по народной одежде и жилищу XIX в.⁴⁸

Матица Сербская, основной культурный и научный центр Воеводины, после проведенной в 1948—1949 гг. реорганизации имеет в своем составе историческую, археологическую, этнографическую секции. Работая в тесном контакте с Сербской Академией наук, Матица Сербская проводит систематическое изучение этнических особенностей населения Воеводины, большое внимание уделяется изучению сербского народного костюма на ее территории⁴⁹, народному творчеству. Большой интерес представляют исследования Матицы о сербо-хорватских народных певцах XVIII—XIX вв.⁵⁰

В данном обзоре мы ставили своей целью познакомить советских этнографов с основными направлениями этнографических исследований в одной из крупнейших республик Югославии, сопроводив наш очерк подробным библиографическим указателем имевшихся в нашем распоряжении публикаций. Многие из них, безусловно, заслуживают специального рецензирования.

И. А. Калоева

АНТРОПОЛОГИЯ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Автору этих строк представилась возможность провести в Польской Народной Республике один из летних месяцев и посвятить некоторую часть этого времени на ознакомление с польскими антропологическими учреждениями и на установление личных связей с деятелями польской антропологической науки. Понять и по достоинству оценить деятельность польских антропологов можно лишь в свете того широкого общенародного движения, направленного на строительство новой Польши, которое проявляется во всех областях польской жизни и составляет ее самую характерную черту. В сфере науки это движение проявляется не в меньшей мере, чем в области индустрии и в сельском хозяйстве. Польская наука послевоенных лет направила свои усилия на служение общенародному делу — восстановлению страны и созданию основ социализма. Одним из проявлений новой ориентации науки служит огромный рост числа польских образовательных учреждений, — в первую очередь высших и средних школ, а также создание и быстрое развертывание деятельности Общества по распространению знаний. В Польше издается несколько прекрасно оформляемых научно-популярных журналов по различным отраслям знания, выходит в большом количестве научно-популярная литература. Эти успехи в деле популяризации и пропаганды наук среди широких масс производят тем большее впечатление, что в Польше, насколько мы знаем, не существовало той традиции популяризации науки, которая в России была создана революционными демократами (Чернышевский, Писарев и др.) и крупнейшими представителями науки конца прошлого и начала текущего столетия (Тимирязев, Мечников, Анучин, Богданов, Мензбир и др.). Для польской научной общности массовой популяризация знаний была сравнительно новым делом, а потому, естественно, не все польские ученые смогли сразу же принять в ней участие. Однако в последние годы необычайно усилилась тяга польских ученых к более тесному сближению с массами, стремление нести в самую гущу народа достижения науки. В частности, многие польские антропологи, особенно молодые растущие кадры, стали развивать широкую деятельность в области популяризации такой важной для создания научно-материалистического мировоззрения дисциплины, как антропология.

Т. Ћорђевић, Из наших народных пословица, «Зборник радова Српске академије наука», књ. 4, Етнографски ин-т, књ. 1, Београд, 1950.

⁴⁸ Подробности об этой выставке см. в статье Б. Дробняковић «Изложба етнографског сликарства 19 в. у Етнографском музеју Београда», «Гласник Етнографског ин-та», 1952, № 1—2.

⁴⁹ Српске народне ношње у Војводини, уредио М. Филиповић, дил I, Нови Сад, 1953 (Матица Српска. Секција за етнологија, књ. 2).

⁵⁰ В. Л а т к о в и ћ, О певачима српскохрватских народних епских песама до краја 18 в., «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1954, св. 3—4; С. М а т и ћ, Вуков певач Рашко, «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», Нови Сад, 1954, књ. 2; В. Ј о в а н о в и ћ, О лику Филипа Вишњића и других гуслара Вукова времена, там же, стр. 67—96.